

**ПЛЕЩЕВА
Галина Ивановна**

Плещева Г.И., выпускница историко-архивного отделения УрГУ (1975), главный хранитель фондов Государственного архива Свердловской области. Автор публикаций в журнале «Родина», газете «Былое», местных периодических изданиях.

В «ПАЛЕ-РОЯЛЕ» ЩАМИ НЕ ПАХЛО

С тех пор как появились города, всегда находились люди, которые оказывались в них по казенной, торговой или иной надобности и которым непременно нужна была крыша над головой. Спрос рождает предложение. Нельзя сказать, чтобы пристанодержательство было очень выгодным промыслом (с винными откупамися его, например, не сравнить), но кой-какой доход оно приносило и потому часть горожан Российской империи всегда давала приют приезжим. Количество пристанодержателей зависело от величины и значимости города, его посещаемости. В Екатеринбурге этот промысел был не из последних. Из «описания всех екатеринбургских жителей», составленного в 1788 году, видно, что «постоялые дома» содержали представители разных социальных категорий: это могла быть и «вдова Домна Кириллова», и «штатной команды отставной солдат Яков Иванов» и «купец Павел Чирьев-большой», который имел дополнительный заработок — «торг харчевыми припасами». Даже представители местной интеллигенции

не чурались этого бизнеса, как например, «екатеринбургского горного училища учитель арихметики второго класса Данило Гласков». Рядом с его постоянным домом было еще четыре: располагались они, как правило группами. Останавливались здесь крестьяне из подзаводских деревень, пришедшие в горную столицу с хлебными и рыбными возами, привезшие товар небогатые купцы, мастеровые. А так как «в здешнем городе Екатеринбурге во всякое время проезд и немалое стечение бывает народа», предписывалось иметь также три трактира «1-го, 3-го и 4-го номера», для «удовольствия иностранных и всякого звания российских людей, кроме подлых и солдат». Под «подлыми» подразумевались «ниского состояния люди, яко крестьяне, господского и всякого звания развратныя люди и зазорныя женщины».

В течение 18 века деятельность трактиров регламентировалась узаконениями 1750, 1765, 1770 и 1790 годов. «Высочайше изданным городовым положением» предписывалось в трак-

тираж «покои иметь в порядке и чистоте, полы усыпаны песком или травою, как примером тому служат иностранные». Службы при них «должны быть без недостатка». И вообще, трактиры обязаны «служить к пользе и к продовольствию, чтобы желающий иметь порядочный стол и покойный ночлег всем тем был удовлетворен совершенно». Реальность же была такова, что в эти заведения часто ходили «расточители или своего или чужого: слуги господские, сидельцы, приказчики — молодые и невоздержанные всякого звания люди для проигрывания на биллиарде, в карты и кости капитала», в связи с чем «некоторые проезжие и с семейством, порядочного состояния и войти не могут и остаются без удовольствия». Разумеется не все трактиры были такими. В 1788 году в Екатеринбурге числилось всего одно трактирное заведение. Содержали его купцы Дубровины — Иван, Петр и Илья. Жили они все вместе, с сестрой-невестой, хотя имели в городе еще три дома, в одном из которых и помещался трактир. В магистрате был объявлен их нераздельный капитал — 6000 рублей. Петр Дубровин был одно время бургомистром города. Илья заседал в словесном суде. Да и дело им от отца — Дмитрия Дубровина досталось серьезное: «доставляли подрядами в разные места по реке Чусовой казну и прочие казенные тягости», строили для этих целей коломенки, вели торг на Ирбитской ярмарке вином, железом, сукном, брали «увозную белку». Трактир у них был «1-го номера», т.е. в нем следовало «содержать стол, ночлег и продавать веиновую водку, виноградные вина, аглинское пиво, полпиво легкое, кофей, чай, щекولات и курительной табак». За все это братья-купцы платили в казну «70 рублев в год».

В 1795 году, когда пришла разрядка на открытие в Екатеринбурге трех трактиров, Дубровины передали свое заведение Василию Сопельникову. Видимо, в это время дела их шли уже не лучшим образом (в 1805 году имущество братьев будет продано с молотка, а Иван от расстройств отдаст Богу душу). Новый владелец назвал трактир «Херсон» и начал сутяжничать с купцом 3-ей гильдии Максимом Черепановым, открывшим герберг «3-го номера». В соответствии с правилами в таком заведении дозволялось «иметь один ночлег без стола, а при том содержать чай, кофей, щекولات и курительной табак и кроме водок прочие дозволительные питья», т.е. выражаясь современным языком, гостиница была без ресторана. Черепанов обвинял конкурента «в продаже полпива, что делает ему, Черепанову, подрыв». Сопельников же объявлял в Екатеринбургскую управу благочиния, что тот «по одной только злобе на меня доносит», а сам повинен «в несоблюдении святости своего контракта и впуске подлого в свой трактир народа». К тому же продажа полпива производится «в неуказанном месте и не только бутылками, но даже стаканами». «Что же следует до билиарта, — писал Сопельников, — то оной не мой, а тех господ хозяев оставлен». От бильярда он отрекся зря — указ 1750 года позволял иметь его «для увеселения приходящих», искоренению подлежала лишь картежная игра. Что же касается «впуска подлого народа» в трактир Черепанова, то это обвинение было достаточно серьезным, ведь статус трактирного заведения был значительно выше постоялого дома.

Превращение трактиров в гостиницы произошло не в одночасье. Еще гоголевские герои Бобчинский с Добчинским путались в определении мес-

та, где они встретили Ивана Александровича Хлестакова. В Екатеринбурге гостиницей свое заведение впервые назвали «иностранцы Юлиан Новицкий и Богдан Брикнер». Открыв в 1838 году кондитерскую, через год они «предположили присоединить гостиницу под фирмой «Урал». «На этот предмет, — сообщали иностранцы главному начальнику горных заводов В.А.Глинке, — наняли мы дом каменный, принадлежащий наследникам бывшего 2 гильдии купца Никифора Старцова на Главном проспекте, близь Гостиного двора». Брикнер с Новицким не отошли от традиции располагать приюты для приезжих в торговом центре города, как поступали в свое время и братья Дубровины. Они предложили «достопочтеннейшему обществу» жилье повышенной комфортности: «комнаты с освещением, отоплением и пристойною мебелью, присовокупляя к тому, что столы обеденные и вечерние» как для проживающих в гостинице, так и для горожан «доставляемы будут в полной мере». Относительно платы владельцы заведения ограничили себя «назначением самых умеренных и здешним обстоятельствам соразмерных цен», надеясь тем самым «благодарностью публики заслужить одобрение». Прошение на имя В.А.Глинки Новицкий и Брикнер подали 30 сентября 1839 года, а «дозволение на открытие гостиницы от сдешней Градской думы с выдачею свидетельства за №109» получили только 8 февраля 1840 года.

К середине 19 века гостиниц в городе было уже пять, с акцизным сбором в 28 руб. 57 коп., 30 руб. и 100 руб. серебром. Свидетельство на самую дорогую гостиницу получил 16 января 1850 года крестьянин Ярославской губернии Семен Афанасьев. Прошение на открытие заведения «со слов проси-

теля сочинял и набело переписывал екатеринбургский мещанин Степан Виссарионов Осипов по личной просьбе Афанасьева и за неумением его грамоте». Не преуспевали в науках и другие бизнесмены. Мещанка Авдотья Никитична Гальцова, покойный муж которой в 1845—1850 годы содержал семь меблированных комнат в корпусе мытного двора под номерами 157-164 и 169, лишившись кормильца продолжила дело, предложив городу содержать номера на тех же кондициях, «за которые согласна платить в городской доход кортому 257 руб. 14 коп. и акцизу — 28 руб. 57 коп. серебром за год, почему прилагаю при сем для написания контракта и свидетельства гербовой бумаги два листа в 90 и 30 коп. серебром». Прошение вместо нее, как и в случае с Афанасьевым, писал заводской слугитель, поскольку она «грамоте не умела», но деньги, видимо, считала хорошо. Через пятнадцать лет Гальцова числилась уже купчихой и владелицей двух гостиниц: одна под названием «Рим» (акцизный сбор — 65 руб.), вторая — «Москва» (акциз — 75 руб.)

В 1865 году наряду с Гальцовой гостиницы содержали еще две дамы — дворянка Антонида Новицкая и мещанская жена Аксинья Яковлевна Холкина. Еще узаконениями 18 века было определено, что заведения подобного рода «можно держать купцам и посадским, их женам и вдовам, состоящим в капитале». Необходима была лишь приличная репутация, а то некоторые брали трактиры «не имея не только доверия в торгах, но и зрелого понятия, а притчина тому — лестное поползновение быть хозяином».

Во второй половине 19 века общество стало демократичней. Открыть гостиницу мог уже достаточно широкий круг лиц — это и мещане, и куп-

цы трех гильдий, и цеховые, и крестьяне, и даже «торгующие по свидетельствам всех четырех родов». Желающие подавали в городскую Думу «установленный аттестат, написанный на гербовой бумаге, стоимостью 60 коп. за лист, в коем указывалось, что владелец по суду наказываем не был и казенные и общественные повинности отправлял бездоимочно», а то поди взыщи потом с него налоги. Моральный облик хозяина заведения был близок к идеальному, ведь лица, у него останавливающиеся, могли отдавать на сохранение денежные суммы и вещи, правда, с распиской.

Те, кому средства не позволяли открыть гостиницу, содержали номера поскромнее — если их было не более шести, обложению в городской доход они не подлежали. Но нужно было неустанно следить, чтобы кто-то не уклонился от налогообложения, хитроумно расширив свой бизнес. Все эти условия были достаточно подробно оговорены в «Положении о трактирных заведениях» 1861 года. Более четко определялся в них и статус постоялых дворов, учреждавшихся «в городских поселениях для доставления дешевого приюта и продовольствия простому народу, к потребностям и привычкам коего эти заведения и должны быть приноровлены». И вот камышловские и невьянские крестьяне, распродав свои нехитрые товары на екатеринбургских рынках, становились на постой на Успенской улице у мещан Белоусова или Игнатьева, или на Покровском проспекте у Субботина Степана Васильевича, или, за неимением мест, тянулись на Отрясихинскую к Клюквину. На постоялом дворе можно было раздобыть овса или сена для лошади, да и самому повечерять: у хозяев всегда найдется «хлеб белый и черный, огородные овощи, молоко,

масло, яйца и все мясное и рыбное вареное, холодное и горячее, употребляемое простым народом, но без продажи питей и табаку». Для этого товара необходимо было взять «особый патент и сделать взнос в государственную казну». Кушанья на постоялом дворе были без «таксы, а представлялись общему соглашению заезжего гостя с содержателем».

Постояльцы случались разные. Выгодные — это ямщики с разномастным товаром, и не очень — это крестьяне здешнего и частью Шадринского и Камышловского уездов. «Они приезжают в город для продажи разного хлеба своего изделия, хотя и заезжают на дворы выкормить лошадей — и то со своим кормом, от которых не то что в доход города приобрести суммы, но даже не могут содержатели добыть для своего пропитания. По этому случаю акциз нам отяготителен» — так заявила выборная депутация от владельцев постоялых дворов. Им вторила группа мещанских и мастерских вдов и солдаток — Парасковья Старцева, Стефанида Колмогорова и другие бабы: «Мы хотя действительно держим приезжающих крестьян с хлебом, но они не стоят у нас боле одних суток, и мы получаем за труды только для дневного себе пропитания, а не приобретаем себе капиталы». Доля истины, видимо, была в их недовольстве — из назначенных по смете на 1887 год сборов с постоялых дворов и трактирных заведений 30500 руб. в казну поступило 25455 руб. Управа была раздражена. Злостных неплательщиков — Клюквина с Отрясихинской, Блохина с Успенской и еще несколько их братьев по цеху пригласили прибыть 4 января в 10 часов «для выслушивания резолюции городской Управы». Явились не все. Управа вновь обратилась к Клюквину с вежливым

посланием: «Милостивый государь, Александр Сидорович, пожалуйста в присутствие 3 числа будущего марта для уплаты 40 рублей». И Александр Сидорович сдался — в мае акциз заплатил. Содержателей постоянных дворов тяготили не только налоги. «В нынешние годы все вообще российские и прочие товары везутся по железной дороге, — сокрушались владельцы пристанищ «для простолудия и лошадей их», — и по случаю этому наблюдается малый приезд ямщиков». Но что было плохо для ямщиков, для держателей гостиниц и меблированных комнат было только на руку, хотя и они платежи в городскую кассу воспринимали не с восторгом. «Я открыл гостиницу 23 марта сего года, — писал в Управу купец Тиунов, — а имею дефициту по торговле до 800 рублей, потому как гостиница моя находится на краю города, при которой помещенье малое, номеров для приезжающих всего один номер, а ведь номера есть самая выгодная вещь». И купчиха Погодина, принужденная заплатить «акцизу 1000 рублей — котора сумма ни с чем не сообразна», утверждала, что «номера есть самая выгодная торговля, где только за тепловое берут от одного до трех рублей за сутки».

Сколько же стоил номер в екатеринбургской гостинице на рубеже веков? В меблированных комнатах купца 2 гильдии Атаманова на Успенской улице от 1 руб. 25 коп. до 2 руб. 50 коп., у купчихи Плотниковой — от 75 коп. до 3 руб. Дорогие и комфортные номера были у Павла Васильевича Холкина в «Американской гостинице». Здание это и сейчас стоит на углу улиц Малышева и Розы Люксембург. Содержание гостиниц при соответствующей организации было делом выгодным. Золотопромышленник и потомственный дворянин В.М. Имшенецкий, открыв-

ший «Пале-Рояль» на Главном проспекте, получал до 6000 рублей ежегодного дохода. Правда, и траты были немалые: Владимир Михайлович гордился «комфортабельной обстановкой комнат на столичный и европейский образец». Газеты рекламировали «безукоризненную чистоту и порядок, наличие ванн и электрического освещения» в его заведении. И хотя конкурент Холкин довел количество комнат до 26 (у Имшенецкого их было только 20), устроил «особое здание для миллиардов, кухни и буфета, из которых отпускались приезжающим кушанья, пиво и прочее», екатеринбургской городской Управе было известно, что «приезжающие стремятся прежде всего в меблированные комнаты Имшенецкого, как центральные и роскошно обставленные, а затем уже едут в другие гостиницы». В городе Владимир Михайлович слыл за человека «вполне состоятельного», хотя, как утверждали близко знавшие его люди, «благодаря широкому образу жизни и запутанным финансовым операциям у него иногда совсем не было денег». И это оказалось не наговором: в декабре 1912 года Имшенецкий выехал в Бельгию «по делу о продаже большей части своих приисков» (по слухам, он продал их за 70 тысяч рублей), а «Пале-Рояль» послужил «обеспечением уплаты рассрочиваемого взыскания» с запутавшегося золотопромышленника.

В одном доме с гостиницей Владимира Михайловича располагался и ресторан «Пале-Рояль». Сочетание, заметим, достаточно частое. Если же ресторан отсутствовал, в номерах предусматривались 1 комната для буфета и общая столовая. Санитарное бюро предписывало «кушанья и напитки подавать квартирантам в свежем, доброкачественном, хорошо приготовленном виде и без вредных примесей».

Помещения, в которых «приготавливаются кушанья», полагалось содержать в чистоте и опрятности, а кухни хорошо изолировать, чтобы «запах угара не проникал в комнаты» и щами в номерах не пахло. Всякого рода посуда, употреблявшаяся для подавания кушаний и напитков, вымывалась и вытиралась после каждого употребления, а ножи, вилки и ложки металлические чистились. Вымытая посуда хранилась в шкафах или на полках, «покрытая чистой марлей или иной стерильной тряпичей». Скатерти в столовой были белее снега. Можно было присесть за один из столов и заказать «порцию борщу (40 коп.), порцию духовой говядины (75 коп.), стакан чаю с лимоном (10 коп.)». Утренний самовар ставили за 25 коп., «порция хлеба к чаю» обходилась в 10 коп. Если принять во внимание, что обед в гостинице соразмерялся с поденной зарплатой рабочего, становится понятным стремление некоторых постояльцев найти более дешевый стол. Дворянин города Варшавы Станислав Антонович Сигорский, остановившийся в гостинице Плотниковой, облюбовал для этой цели кухмистерскую Юлии Ивановны Матиссон, что в доме Бабушкина. Но поскольку «кухмистерская со столом для проходящих относится уже к трактирным заведениям», а соседи об этом куда надо своевременно заявили, то к Юлии Ивановне однажды явились незваные гости в виде торговой депутации. Мадам объяснила, что «стола для проходящих не содержит, лишь только отпускает кушанья двум лицам-служащим в магазине Шварте, помещающемся в доме Дрозжилова.» Возможно, депутация бы ей и поверила, если бы в соседней комнате не обнаружила сидящих за столом рижского гражданина Густава Карловича Любве, телеграфиста стан-

ции Ивана Юрьевича Миллера и нашего знакомого Сигорского. Причем «все трое кушали и пили пиво». И не избежать бы хозяйке убытков, если бы господа не заявили, что «находятся у Матиссон в гостях и обедают безденежно». Допив свое пиво, Сигорский вернулся в гостиницу Плотниковой. Пробежав глазами «доску, с обозначением цен за каждый номер и фамилиями лиц их занимающих», новых постояльцев не увидел и поднялся к себе. Вымыл руки в «фаянсовом умывальнике» (в других номерах они были «мраморные или эмалированные»), Сигорский прошел в «газетную комнату» почитать прессу. Прислуга в это время занималась уборкой: «обметала щетками и обтирала влажными тряпками пол, удаляла со стен и потолков пыль, паутину». При смене белья внимательно следила — нет ли «в мебели и принадлежностях постели (матрацах, подушках, кроватях) клопов и других насекомых». Подбор обслуживающего персонала был особой заботой владельцев гостиниц. Управа предписывала «на каждые пять комнат иметь не менее одной слуги, а при десяти комнатах кроме номерной прислуги еще швейцара и рассыльного» Содержателям и их доверенным вменялось в обязанность «следить, чтобы среди прислуги не появилось людей, страдающих различными болезнями», для чего им следовало наблюдать за чистоплотностью служащих, «особенно за чистотой головы, лица и рук», и чтобы в отношении своей одежды «соблюдалась опрятность, а равно благопристойность и учтивость по отношению к квартирантам». Один раз в неделю хозяин должен был предоставить прислуге баню и ежемесячно посылать на осмотр к санитарному врачу. И вообще, служащие должны были быть благонадежны, растороп-

ны и не «являться на службу в нетрезвом виде».

Разных постояльцев видели екатеринбургские гостиницы «Метрополь», «Эрмитаж» и «Европейская» на Покровском проспекте, «Центральная» и «Пале-Рояль» на Главном проспекте. Сестра В.И.Ленина — А.И.Елизарова, прибыв на Средний Урал, остановилась не у родственников Ардашевых, а в «Берлине» на улице Ломаевской. А однажды к

«Американским номерам» подъехал высокий худощавый человек в пенсне. Город наш ему не понравился — типичная «азиатчина», а извозчики «похожи на Добролюбова», к тому же сторожа всю ночь били «в чугунные доски на всех углах». Но вот гостиница оказалась «очень недурна». Супруга Холкина — Еликонида Яковлевна — отметила на доске против номера, который он занимал, — Чехов А.П. Стояла весна 1890 года.

